

ГЛАВА 6.

Ленинград.

А тогда я с новым чемоданом ехал в Ленинград за своей женой и сидя в вагоне предавался мечтам о новой прекрасной работе. Трудно описать встречу в строевой части с новым начальством назначение в отряд и звено.

Собственно встречи не было, и мы были несколько обескуражены холодком и невниманием к нашим особам. Исключением являлся комиссар или замполит эскадрильи, проявивший не только заботу о нас, но и прямо-таки отеческие хлопоты по расселению нас по квартирам. Он быстро познакомился со всеми и очень обрадовался, что трое из нас были музыкантами и есть художник и не какой ни будь, а студиец.

Наши квартиры были хороши тем, что было просторно и тепло. Быстро приобрели мебель. Главное, что мы начали летать. Походив по аэродрому, познакомились с подходами, а там и пошли контрольные полёты и наконец мы получили самолёты. Мне машина не понравилась тяжёлая «дуб», казалось

Она едва взлетала и «висела на ручке». Но с помощью инженера её удалось несколько улучшить регулировкой. Что спрашивать с машины, которая загружена вооружением и как сравнивать со школьной, где ничего этого не было, А сами полёты? Почти с ходу получил задание на старт. Впервые имел в задней кабине имел в задней кабине настоящего лейтнаба.

Он стоял на подножке установил лимб на моём компасе и забрался на своё место. Нужно взлетать, он машет рукой «Давай пошёл» а тут повалил густой снег и даже горизонта не видно. Взлетаю и набираю высоту по прямой, ничего не вижу и становлюсь на заданный курс вдруг толчок в плечо, и рука показывает на указатель скорости, которая падает. Так недолго и до потери скорости дойти. Успокаиваюсь набираю скорость, слежу за курсом и вдруг всё прошло и муть, и снег. Вокруг светло и ясное небо, а подомной на белоснежном облаке радужная тень нашего самолёта.

Прошло расчётное время, и мы снижаемся нырнули в облако и начинает расти скорость, остаётся всего сто метров и тут мы увидели станцию железной дороги и дымы на земле. Мы ложимся на обратный курс и на этот раз идём на малой высоте. Этот полёт показал, что ещё не ко всяким полётам мы готовы и нужно ещё многому учиться. Так на разборе полётов об этом говорил и командир отряда.

И так наша учёба продолжается. Летаем по очень строгому графику оказывается, что на каждого очень ограниченное количество бензина и каждый полёт — это трага дорогого самолёто-моторного ресурса. А нужно быть

готовым к выполнению любых боевых заданий и поэтому готовились к каждому полёту очень тщательно. Ничего и говорить, что стараемся как можно меньше «гонять мотор» на земле.

Посмотрели бы вы на наши фигуры, когда мы взлетаем из кабин самолётов. В толстеньких зимних комбинезонах, меховых шлемах с подшлемниками и в канадских-рукавицах. На правом боку пистолет на длинном ремне, на левом боку планшет, болтающийся у колен, а сзади бьющий под коленки плотный паруют на белых лямках и застёжками на груди и на ногах. Чтобы двигаться нужно прежде всего освободиться от парашюта и нести его в руках. Это дорогое спасательное имущество и его нужно беречь и ухаживать за ним.

Огромный Таранов басом ревёт – Стоять! – отстраняя ручищей вечного «стрелка» закурить техника Ключинского. Он медленно раздевается, ворча и негодуя на истребителей, атаковавших самолёт.

- Я был бы лётчиком их ... крылом бы цеплял поганцев. Он ушёл проявлять плёнку Фотохейса для проверки как он стрелял по ним своим пулемётом. Шумно в раздевалке после полётов. Потом идём обедать, потом разбор полётов, план на завтрашний день командирской учёбы.

-Зайдите ко мне товарищи – приглашает нас замполит в свой кабинет.

-Плохо у нас в Ленинском уголке, да и мало того, что неудобно и поразвлечься нечем. Ни одного музыкального инструмента нет. Нам дали шефов и нужно к ним поехать и опросить их дать нам рублей двести на музыкальные инструменты. Он указал на меня:

-Вы со мной поедете завтра в Насинсоюз, берём наличными и сразу кое-что купим. Вы ведь в инструментах понимаете? Остальные продумайте, что нам нужно для украшения уголка и казармы.

-Ну брат давай нажимать теперь на шефов- говорил наш замполит Ермольчик поднимаясь по широкой лестнице в контору Носинсоюза,

-Хоть бы рубликов двести дали бы на обзаведение.

И вот мы в кабинете председателя треста. После взаимных представлений Замполит стал осторожно расспрашивать председателя об системе Насинсоюза, а я украдкой осматривал роскошный кабинет, столы и ковры и картины на стенах и мягкую мебель.

И тут только я постиг все величие нашего уважаемого Ермольчика. Он не осматривался по сторонам, он брал быка за рога...

-Так вы говорите, что можете нам оказать материальную помощь?

-И во что же она может вылиться? – он вопросительно поднял брови и ждал, что ответит председатель. Тот вертел в пальцах автоматическую ручку и видимо, что-то прикидывал в уме.

-Ну что-ж, пожалуй, тысячёнку подбросим. – он бросил ручку на стол.

Но тут наш Ермольчик встал и одевая шлем сказал

-Ну тогда и разговаривать не о чем. Пойдём брат восвояси.

-Что вы товарищи. Разве так можно... ну присядьте давайте потолкуем сколько же вам требуется? Говорите пожалуйста какая сумма вас устроит? Ни слова не говоря Ермольчик поднял вверх три пальца. К моему удивлению, директор треста покачив головой и не говоря ни слова нажал кнопку на столе и сказал вошедшей машинистке:

- пригласите ко мне главного бухгалтера. Потом посоветовавшись с «бухом» директор сказал – Хорошо дадим три, только наличными сразу не более тысячи. Так был выписан чек, и мы взволнованные рассовывали пачки денег в две полевые сумки. -Вот так и нужно действовать. – Товарищ комиссар но ведь это сверх наших желаний? Вы же сами говорили, что хватило бы и двухсот рублей.

-Да, говорил – зло сказал он, - а разве ты не видел, что это за организация Это же миллионеры! Ну разве можно было с ним спорить?

Нечего и говорить, что наш Ленинский уголок вскоре стал одним из лучших; появились красивые занавески, хорошая мебель и различные музыкальные инструменты. Для тех, кто не умел играть был патефон и шахматы. В свободную минутку мы забегали в это уютное местечко сразиться в шахматы или покрутить патефон. Теперь мы уже втянулись в работу и все полётные задания выполнялись запросто. Уже привыкли и к тому, что в самолёте сидит лейтнаб и он должен проверять весь маршрут. Теперь в воздухе лейтнаб непрерывно вёл наблюдение за сносом, менял магнитный курс и рассчитывал время прохождения пунктов. Боевая подготовка была весьма разнообразной: бомбометание, фотографирование, связь и стрельбы чередовались с полётами по разным маршрутам и просто для тренировки. Однажды весной выполняя очередное упражнение, я вошёл в аэродромный круг и вдруг получил сильный удар в грудь и по плечам. На моей груди лежал оторвавшийся козырёк самолёта и теперь лишённый защит я испытывал зверское давление на грудь, плечи и лицо. Меня прижало к спинке сиденья, и я никак не мог дотянуться до крана переключения бензина. Решив идти на посадку, сбавил газ, но дотянуться до стабилизатора никак не мог. На планировании стало ещё хуже. Пытаюсь нагнуть голову и никак не могу. Наконец пора выравнивать, сажусь на колёса подруливаю к старту.

Мой командир звена уже приготовил уничтожающую реплику за посадку на колёса и медленно идёт к моей машине. Странно, что никто не замечает, что мой самолёт без козырька. Подошедшему к кабине технику подаю козырёк и меликом вижу удивлённое лицо комзвена.

-Как вы умудрились оторвать козырёк? Такое я вижу в первый раз.

-Сколько же вам нужно твердить, что осмотр машины неформальность. Теперь убедились в этом? – он кривит губы в усмешке и конечно теперь я должен быть виноватым...

Странно, что на разборе полётов об этом случае не было ни сказано ни одного слова.

А ведь, в сущности, и виноватых найти невозможно. Козырёк отлетел вместе с болтами, на которых держался. Значит потерял прочность весь гаргрот самолёта. Попала мне старая машина, которая без ангара простояла ни одну зиму на приколе. Пока, что я отделался рассечённой губой. Козырёк же поставили на место на алюминиевой прокладке, а губа быстро поджила.

Так шли дни за днями, три дня полётных и три командирской учёбы, подъём в шесть, умывание и бегом к автобусу. На аэродроме раздевание и физзарядка сразу всей бригадой. Никогда не забыть нашего знаменитого тренера, спортсмена Чекмарёва. Зарядка для него была как священнодействие; одно упражнение сменялось другим в таком темпе и последовательности, что, как говорили ребята «все хряпки трещали». Иногда играл оркестр создавая праздничное настроение. Пожалуй, это было даже красиво, когда все три эскадрильи стройно проделывали все эти упражнения перед зданием штаба.

Но всему есть начало и конец. Рабочий ритм неожиданно был прерван, и я очутился в госпитале с разорванным носом и сломанной рукой. На этот раз всё вышло из-за потери воды. Шли мы на средних высотах всей эскадрильей и уже возвращались, выполнив задание как я стал ощущать тряску мотора перебои и белые выхлопы, с одной стороны, выскочив вперёд я показал ведущему на мотор и стал на место, но мотор как-то сразу перегрелся и стал плохо тянуть, не помогал и полный газ, моя машина стала проваливаться и отставать. Стрелка термометра уже упёрлась, дойдя до конца шкалы и я стал волноваться заметив, что и масло перегрелось. В таком положении достаточно каких-либо пяти минут и мотор может заклинить, лопнет вал и, может быть, пожар. Присмотрев довольно ровное поле решил лучше сесть чем рисковать. Сбавив газ и выключив мотор стал планировать. Но мотор не хотел останавливаться и тархтел до самой земли. Поле оказалось неровным и при посадке налетев на межу капотировал.

Вы, конечно, не знаете, что такое капотировать? Это значит при пробеге самолёта перевернуться вверх колёсами. Происходит это вследствие сильного торможения на вязкой почве или от неисправности пневматики. Если была большая скорость, то самолёт ломается на части и переворачивается несколько раз и в этом случае трудно рассчитывать на благополучный исход.

У меня всё получилось благополучно, налетев на межу при посадке самолёт испытал удар, от которого лопнула камера, произошло резкое торможение и самолёт довольно быстро перевернулся, став предварительно на нос. В этот момент я вылетел из кабины вместе с сиденьем, к которому был привязан ремнями. Летел не долго и упав вниз головой, инстинктивно вытянул вперёд руки для ослабления удара. Сломалась рука и сильно разбилось лицо, особенно пострадал нос. В общем, как сказал хирург, я отделался пустяками.

Самолёт повредил лишь руль поворота и через несколько дней опять был в строю. Меня же из госпиталя отправили на курорт в Саки, на грязелечение. Оказалось, что я в своей беде не был одинок и в комнате со мною жили ещё два лётчика из Кречевиц Массен и Щегликов чудом оставшиеся в живых после столкновения в воздухе, были и другие /Рождественский/.

Время шло и перерыв в полётах требовал тренировки. Хотелось поскорее стать в строй, но летать для тренировки было нельзя по многим причинам, да и возиться со мной было некому и не удивительно, что сочли за благо послать меня для тренировки в специальный тренировочный отряд. Так я опять очутился в Киеве и, к своему удивлению, вместо отряда нашёл только один самолёт, к которому никто давно не прикасался, и единственный лётчик Ананьин давно не был на аэродроме. Пришлось разыскивать его через штаб бригады. Однако полетать там не удалось и проведя бес цели полмесяца и не поняв почему Ананьин не является я уехал в свою бригаду.

Уехал непросто, а после дурацкого происшествия на киевском аэродроме. Уж очень хотелось поскорее начать полёты, и я стал разыскивать командира тренировочного отряда и в конце концов пошёл с жалобой к командиру бригады Чернобровкину.

Результат был потрясающий. Из штаба бегом выскочил посыльный и пока я болтался возле штаба, завтракал в буфете и разговаривал с однокашниками по «Тёрке» успел вернуться посыльный и вслед за ним поспешал озабоченный Ананьин.

Из штаба он вышел хмурый.

-Ходишь жалуешься, а я не могу тебя сегодня возить. Давай завтра с утра. Приходи к семи часам.

Он при мне подозвал своего техника и дал команду готовить самолёт к утру. Едва дождавшись утра, я пошёл на аэродром, помог вывести самолёт из ангара. Ананьшина не было и после заливки горячей воды опробовали мотор.

— Вот всегда так, скажет, что придёт в семь, а ты тут сиди на морозе и грей мотор. Ведь раньше девяти не придёт.

- Ладно, наберёмся терпения, зато летаем верно?

- Да как сказать ... он замаялся и переглянулся с мотористом.

- Не очень он летать любит, ваше дело другое, беспокоитесь.

Наконец он пришёл. Я готов всё ему простить и занимаю своё место в передней кабине. Выруливаем на старт, и я весь во внимание жду полётного задания. На аэродроме идут полёты и один за другим самолёты выруливают после сигнала стартера.

- Давай по кругу. Выруливай кричит сзади Ананьин.

Даю газ и выруливаю вперёд, но что это? От машины в сторону отбегает моторист и мой инструктор выпрыгивает из кабины. В зеркало вижу нелепо козлящий самолёт, несущийся на мой самолёт. Резко двинул вперёд сектора газа и рванулся вперёд, подняв хвост. В зеркало вижу отставший самолёт и постепенно сбавляю газ и заруливаю на старт. Что за чёрт? Где же Ананьин?

Ко мне подходит комиссар отдельного отряда Собинов.

- Вы Алексеев? Рулите к ангару полётов не будет. Я отстранил от полётов Ананьина. Доложу о происшествии комбригу сам. Зайдёшь к нам в отряд.

Нечего делать пришлось рулить к ангарам.

Вечером в Ленинском уголке отряда былолюдно и каждый, что-то деловито строгал, пилил, вырезал. Но что это? На полке стояли наши самолёты так хорошо выполненных моделей я ещё не видел.

Пока я их рассматривал и дивовался тонкой работой сзади подошёл командир отряда Томсон-

- Что любуетесь? Все современные типы хотим сделать. Интересная работа и ведь как много нового узнаёт каждый о своей материальной части. Этим работам цены нет.

Подошёл комиссар Собинов – Был я у Чернобровкина, ну и разозлился он, - комиссар рассмеялся – Говорит давно его гнать из этого отряда нужно. Я тебе дам письмо к Петру Гавриловичу, тут всё написано.

С этим письмом я и появился в бригаде и конечно сразу к комбригу. Доложил и письмо передал. Читал его наш комбриг очень внимательно вздохнул и говорит:

- Что тебе за особая тренировка нужна? Иди в эскадрилью и летай на здоровье, если надо, то и провезут разок другой, ишь деловые ...

Друзья встретили тепло – Ну быстро ты отделался. Много летал там?

А мы сейчас слётываемся строем ходим. Теперь буде полный комплект. Мой командир отряда Кучера услышав от меня о моей тренировке сделал круглые глаза и сокрушенно сказал-

-А я тебя уже и в план включил, что же теперь делать?

-Выполнять план! Я не подведу давайте контрольный полёт и всё.

Жаль он сам не был лётчиком тогда, был летнабом и мало разбирался в технике пилотирования доверяя командирам звеньев. Меня «опробовал» командир третьего отряда Момот – Всё нормально, ничего не забыл ...

Так и закончились тренировки.

От нас переводят в другие части несколько человек.

Растёт авиация и те, кому довелось пробыть на лётной работе два года уже должны были учить других прибывающих из школ молодых неопытных ребят.

Меня зовут в штаб!

-Вы поедете на формирование новой части. Поздравляю вас с хорошим назначением – жал мне руку наш начштаба Левченко.

-Куда же ехать то? Не томите скажите. Вокруг нас стали любопытствующие товарищи. Но начштаба медлил.

-Приказа ещё нет, но будет сегодня, так и быть скажу по секрету поедете к Журовичу. Больше пока ничего не скажу.

Никто из нас не знал такой фамилии.

-Эй погоди. Да ведь это из истребительной эскадрильи Журович!

Знаю! Они в Евпатории стоят. Значит в истребительную авиацию? Вот уж не ожидал такого, даже во с не снилось. Иду к начштабу и узнаю, что не так дело обстоит и поеду я в Севастополь в новую часть, там из нашей эскадрильи старший лётчик Самерсалов и может быть ещё кто-либо приедет позже.

- Почему вы не радуетесь? Ведь это же Крым, море, виноград.

От души вас поздравляю с удачей. Так говорил начштаба Левченко и мне как-то не верилось, в то, что это удача. В сущности, ведь где ни работать, может быть, там будет труднее? Нет не это смущало. Был я уверен в своих силах и знаю, что далеко не все свои возможности включил в работу в этой части. Ходил хорошо в строю, не плохо ориентировался, не было замечаний, но вспомнились случаи: оторвавшимся козырьком разбило подбородок, едва мог достать до стабилизатора, когда воздухом прижало к спинке сиденья, вытекла вода из прорвавшегося дюритового шланга и совершил вынужденную посадку, вырвалось всё сиденье при капотировании, ибо все деревяшки видимо изрядно

подгнили. Кому-то достанется теперь эта старая машина? Кому-то придётся выслушивать – Опять у вас все неполадки, опять машина неисправная ... и.т.д.

Меня не оставляла мысль, что перевод связан с последней поломкой и что устроил это всё Зима мой командир звена и в дальнейшем ничего хорошего ожидать нельзя. Тогда я был обозлён и расстроен и получив документы даже не пошёл прощаться к начальству. Попрощался лишь со своим напарником Астафьевым. Он сказал мне на прощанье какие-то мужественные слова:

-Итак в путь! Что там за часть? Какие там люди и что они делают?